

DOI 10.26105/SSPU.2022.75.42.001

УДК 94(470.44).09 "1905"

ББК 63.3(28-8Сар)531-422

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ,
Л.Н. ШУМИЛОВА**ПОГРОМНЫЕ «ИЛЮМИНАЦИИ»:
ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР
КРЕСТЬЯНСКИХ БЕСПОРЯДКОВ
В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905
ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ
ПРОЦЕССОВ)**YU.V. VARFOLOMEEV,
L.N. SHUMILOVA**POGROM «ILLUMINATIONS»:
FEATURES AND NATURE OF PEASANT
RIOTS IN THE SARATOV PROVINCE
IN 1905 (BASED ON THE MATERIALS
OF THE TRIALS)**

В статье предпринято исследование причин, характера и особенностей крестьянских беспорядков в период Первой русской революции. В качестве примера для изучения этой проблемы авторами выбрана Саратовская губерния, ставшая в 1905 г. наиболее «горячим», с точки зрения количества и масштабов крестьянских волнений, регионом в Европейской части России. Анализируя научную литературу, источники личного происхождения и материалы судебных процессов по делам о погромах, авторы выявляют характерные особенности и внутреннюю природу крестьянского бунта. В статье сделаны выводы о причинах, особенностях и характере крестьянских погромов частновладельческих усадеб в Саратовской губернии в 1905 г.

The article attempts to study the causes, nature and features of peasant unrest during the First Russian Revolution. As an example for studying this problem, the authors chose the Saratov province, which in 1905 became the most "hot" region in the European part of Russia in terms of the number and scale of peasant unrest. Analyzing scientific literature, sources of personal origin and materials of trials in cases of pogroms, the authors identify the characteristic features and the inner nature of the peasant revolt. The article draws conclusions about the causes, features and nature of peasant pogroms private estates in the Saratov province in 1905.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: крестьянские беспорядки, погром, поджог, скопище (толпа), судебный процесс

KEY WORDS: peasant riots, pogrom, arson, crowd, trial

ВВЕДЕНИЕ. 1905 год в Российской империи прошел под знаком революционных выступлений, одной из наиболее массовых и ожесточенных форм которых стали крестьянские беспорядки. Под непосредственным влиянием революционных событий, военных неудач, экономических трудностей и ряда неурожайных лет активизировались аграрные выступления в Среднем Поволжье, и, в частности, в Саратовской губернии. Актуальность предпринятого исследования обусловлена остротой социальных конфликтов в переломные периоды истории, а также потребностью изучения рискованных факторов общественно-политической жизни страны.

ЦЕЛЬЮ статьи стало исследование скрытых пружин механизма крестьянского бунта, факторов, влияющих на формирование скопища, а также мотивы и роль подстрекатель-

ства в организации и проведении погрома частновладельческих усадеб в период Первой русской революции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе проведенного исследования задействован значительный корпус документов и архивных материалов, включая источники личного происхождения и официального делопроизводства. В качестве основного источника использованы архивные документы судебного процесса по делу о крестьянских погромах 1905 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Еще в 1904 г. саратовский губернатор П.А. Столыпин, прикладывая огромные усилия по усмирению стихии крестьянских волнений, докладывал императору Николаю II: «Я в 1903 г. старался пресекать вначале со всею возможной быстротою и неуклонною строгостью захват и потравы землевладельческих угодий, порубки и особенно поджоги, которыми сельчане рассчитывали терроризировать помещиков...» [6, с. 71.] По официальным данным, в 1903 г. только в одном Балашовском уезде было совершено 75 поджогов на аграрной почве. «О них были возбуждены своевременно судебные дела, — докладывал императору губернатор, — но почти половина из них прекращена за необнаружением виновных» [Там же]. Вместе с тем, антивоенные настроения, обострившиеся неудачами на фронте, послужили дополнительным импульсом к «аграрным» выступлениям крестьян. Разраставшиеся повсеместно крестьянские беспорядки вынудили губернатора Столыпина почти все лето 1905 года провести в разъездах по деревням. Но безуспешно — стихия крестьянского недовольства, подогреваемого радикальными партиями, неумолимо захлестнула Поволжье.

Люди, приезжавшие в то беспокойное время в Саратов по железной дороге, говорили, что весь путь с обеих сторон ночью как факелами освещался заревом пожаров горящих помещичьих усадеб. Очевидно, что эти багряные сполохи крестьянских беспорядков были настолько впечатляющими и запоминающимися, что даже спустя год после этих событий член Государственной думы кадет М.Я. Герценштейн, пикируясь в ходе очередного думского заседания с Главнуправляющим землеустройством и земледелием А.С. Стишинским, а также с товарищем министра внутренних дел В.И. Гурко, едко и метко назвал эти огненные противоправные эксцессы «иллюминациями». «Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний, — вопрошающе грозно восклицал он. — Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб?!» [2, с. 524]. Его экспрессивный риторический вопрос был явно избыточен — ни власти, ни законопослушные подданные страны естественно не хотели продолжения огненной драмы и разбушевавшейся гражданской смуты. Между тем, слово «иллюминации» «болезненно прокатилось по всей России, — с сожалением констатировал В.В. Шульгин, — многие прекрасно поняли: то, что для одних тяжкая трагедия <...>, то другим (то есть «освободителям») доставляет явную или плохо скрываемую радость» [9, с. 234]. Несомненно, ироничный и хлесткий эпитет, по отзывам современников, очень точно отражал трагизм ситуации в стране. Однако это крылатое выражение Герценштейна и его антиправительственная политическая позиция стоили ему жизни — «он был убит кем-то из-за угла. Кем — не удалось установить, но в причине, толкнувшей убийцу на месть, не приходится сомневаться», — отмечал монархист В.В. Шульгин [Там же].

По данным исследований, базирующихся на архивных документах — официальных статистических сведениях, в 1905 году в Саратовской губернии было сожжено, разграблено или частично разрушено около 300 поместий, что составило 31,3% от общего числа пострадавших поместий в Европейской части России [10, с. 31]. Другими словами, на Саратовщине было уничтожено в 6 раз больше помещичьих усадеб, чем в любой другой губернии Российской империи. По самым скромным подсчетам, местным землевладельцам был нанесен ущерб в 9,5 млн руб. [Там же]. Среди разгромленных помещичьих усадеб оказались имения князей Воронцовых-Дашковых, князей Салтыковых, А.Г. Романовского герцога

Лейхтенбергского, министра юстиции М.Г. Акимова, князей Щербатовых, родственников губернатора П.А. Столыпина а также известных деятелей земско-либерального движения (впоследствии членов Государственной Думы) кн. Н.Н. Львова и С.А. Унковского.

Крестьяне, собравшись толпой и подстрекаемые местными вожаками, жгли и громили помещичьи усадьбы, растаскивали домашнее имущество и захватывали продовольствие. Однако оценки этих выступлений были диаметрально противоположны. Так, например, лидер большевиков В.И. Ленин приветствовал этот, как он назвал, «размах политического творчества крестьянства» [5, с. 232]. В то время как современник этих событий, видный кадет и публицист В.П. Обнинский совсем по-иному, очень образно и точно определил суть происходившего: «Крестьяне разоряли вековые помещичьи гнезда с тою же ненужной жестокостью, с какою дети их разоряли весной птичьи» [7, с. 133]. Происходило почти повальное разграбление землевладельческих экономий крестьянами. Современник тех событий известный саратовский общественный деятель и юрист И.Я. Славин с нескрываемым огорчением констатировал: «Мирный сеятель и хранитель», вдруг, как по мановению злого волшебника, превратился в отчаянного и жестокого грабителя» [8, с. 308]. Причем громили и жгли бездумно и беспощадно. Так, в Зубриловке во время погрома на конном заводе кн. А.А. Голицына-Прозоровского крестьяне перерезывали жилы на ногах и вспарывали животы породистым лошадям. При разгроме винокуренного завода Иконникова крестьяне, «выпустив из чанов и котлов спирт-сырец, припадали к потокам его, струившимся по грязной, унавоженной земле, и жадно пили спирт, смешанный с разными нечистотами. Некоторые из них, не отводя рта, без перерыва глотали это хмельное пойло, до тех пор, пока сами не приходили в бесчувственное и бессознательное состояние» [Там же], — сообщал Славин подробности крестьянского «революционного» выступления, опираясь на материалы предварительного следствия. Также из материалов судебного процесса он приводил сведения о том, что из нескольких десятков мужчин, женщин и даже детей, жадно поглощавших хмельную жижу, в итоге 13 человек погибло от отравления [Там же].

Как свидетельствовали современники «во многих случаях проявлялся дикий бессмысленный инстинкт разрушения, происходило беспощадное, бесцельное уничтожение имущества и предметов. Домашние библиотеки, архивы, рукописи, дневники и пр., собиравшиеся десятками лет целым рядом поколений, сжигались или разрывались в мелкие кусочки и пускались по ветру» [Там же], — вспоминал И.Я. Славин. Уничтожение крестьянами материальных объектов и свидетельств исторической памяти привело к невосполнимым, катастрофическим последствиям для научной деятельности и культурной жизни не только саратовского края и страны в целом. В предисловии к юбилейному изданию 1912 г. «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г.» правитель дел Саратовской ученой архивной комиссии Н.Ф. Хованский с горечью констатировал: «К сожалению, в злосчастный 1905 год в Саратовской губернии погибли многие ценные документы, записки, воспоминания участников войны 1812 г.» [Там же].

Вот как выглядит хроника судебных разбирательств «погромных» дел, прошедших через уголовный департамент Саратовского окружного суда в конце 1905 года. Всего за один месяц было рассмотрено 8 дел о крестьянских беспорядках. Так, 25 октября 1905 г. перед Саратовским окружным судом предстали крестьяне деревни Николаевка Балашовского уезда Д.В. Кузнецов, М.Е. Ушаков и др. (всего 50 чел.), обвинявшихся в разгроме хутора землевладельца Дьякова. Через четыре дня — очередной процесс, на это раз, по делу крестьян сел Большая Ольшанка и Раковка Аткарского уезда К.И. Курякове, Я.С. Чеснокове и др., обвинявшихся в разгроме хутора землевладельца Нарышкина. В последующие два дня — еще два судебных процесса, рассматривавших дела крестьян села Романовка Балашовского уезда Н.П. Колесникова, Е.А. Толмачева и др., обвинявшихся в разгроме

казенных винных лавок, мельницы Волконского, и о группе крестьян сел Сокура и Оркино Саратовского уезда, разгромивших хутора помещицы С.Е. Бенкендорф-Гинденбург. Очередной «аграрный» процесс состоялся 6 ноября 1905 г. Было рассмотрено дело о крестьянах Малиновской волости Сердобского уезда П.В. Боронине, П.А. Ершове и др., обвинявшихся в разгроме имений землевладельцев Бок, Сусанова и др., а 14 ноября прошел процесс по аналогичному делу 28 крестьян из Вязового Врага и Юматовки Аткарского уезда, также обвинявшихся в разгроме имения землевладельца [3, л. 3].

Накал антипомещичьих выступлений достигал такого уровня, что они подчас превращались в открытые вооруженные столкновения крестьян с помещиками и властями. Об этом свидетельствует судебный процесс, начавшийся 16 ноября 1905 г., по делу жителей сел Голицыно, Ириновки и Тепловки Саратовского уезда А.В. Курко, У.Ф. Мясниковой и др. в количестве 125 человек, обвинявшихся в вооруженном восстании. Последним «аграрным» процессом уходящего 1905 года, состоявшимся 23 ноября, стал суд над крестьянами с. Крутца Сердобского уезда Е.П. Брыкове, Е.В. Толстенева и др., привлеченных к суду в разгроме казенной винной лавки [3, л. 4об].

Одним из типичных судебных процессов этого периода, наглядно иллюстрирующим характер и особенности крестьянских погромов в Саратовской губернии, может служить судебное разбирательство по, так называемому, «аграрному» делу И.Р. Гречкина, В.П. Передреева и др., обвинявшихся в разгроме и поджоге хуторов помещицы С.Е. Бенкендорф-Гинденбург в октябре 1905 г. Всего в этом погроме участвовало более 60 человек, но перед судом по итогам предварительного следствия предстало только 14 крестьян сел Сокура и Оркина. Начиная с 22 октября 1905 г. в течение трех дней в экономии баронессы Софьи Егоровны фон Бенкендорф-Гинденбург при селе Сокура крестьянами этого села были разграблены и сожжены хутора: Еленинский, Михайловский, Софьинский и Владимирский [3, л. 5]. С достоверной точностью определить сумму убытков и причиненного вреда от погрома в ходе следствия так и не удалось.

Разграбление подверглось все, что попало тогда «под руку» разбушевавшейся толпе крестьян: «шкура, юбка, брюки, подушки, куртка, железная кровать, лошадь, сапоги, графин, зонт, подпруга, чемодан, детская кровать, туфли, розовая кофта, матрац, зеркало, шубы, сундук, одеяло шерстяное...» [3, л. 25], — значит в материалах дела. Покончив с грабежом, крестьяне, как всегда в таких случаях, устроили победную «иллюминацию» — предали огню ненавистную барскую усадьбу. Как свидетельствуют материалы дела, в результате поджогов было «истреблено огнем в первой усадьбе, где проживал управляющий этой экономии Ф.Ф. Ровен, два каменных дома, крытые железом, кучерская изба, крытая тесом, конюшня деревянная, крытая тесом амбар деревянный, крытый тесом, баня деревянная, обложенная кирпичом, ледник каменный, сарай, флигель, кошары ...» [3, л. 27].

В ходе судебного разбирательства, наряду с установлением вины обвиняемых стоял вопрос и о возмещении материального ущерба, причиненного крестьянами при разгроме усадьбы — возврата похищенных вещей, вывезенного грабителями зерна, сена и т.п. Однако трудность возмещения убытков была вызвана тем, что стоимость собственного имущества у крестьян-погромщиков оценивалась весьма скромно. Так, например, волостное управление удостоверяло: «крестьяне с. Сокура А.Я. Андрушин и П.Д. Кузьмин и крестьянин д. Афонасьевки А.А. Нефедов имеют: дома с надворными постройками стоящие 614 руб. <...> крестьяне с. Сокура А.И. Соколов и Г.Е. Иванченко имеют дома с надворными постройками стоящие 640 руб.» [3, л. 28об]. Эти обстоятельства суду, безусловно, приходилось учитывать при вынесении приговора и назначении компенсации за нанесенный материальный ущерб.

Еще одним характерным судебным процессом, иллюстрирующим все перипетии природы крестьянского бунта, может служить рассмотрение дела на заседании Саратовской

Судебной палаты 28 августа 1906 года по обвинению крестьян К. Сусликова и других в количестве 106 человек в разгроме имений потомственного почетного гражданина Ивана Шмидта, мещанина Степана Белоногова, дворян — Крымских, Николая Воскобойникова, Александра Минха, Наталии Минх, Надежды Пашканг при селе Колено Аткарского уезда [3, л. 2]. В ходе следствия было установлено, что 29 и 30 октября 1905 г. в селе Колене Аткарского уезда крестьянами были частью разграблены, частью сожжены усадьбы местных землевладельцев — Крымских, Н. Воскобойникова, А.Н. Минха, Н. Минх, Н. Пашканг, И. Шмидта и С. Белоногова. Погром начался с усадьбы Воскобойникова. 29 октября 1905 г., в обеденное время, толпа крестьян явилась в эту усадьбу и, ворвавшись в дом, частью расхитила, частью уничтожила все находившееся в доме имущество. По словам Воскобойникова ему был причинен ущерб на сумму 2274 р. 50 коп. Однако усадебные хозяйственные постройки в ходе разграбления остались не тронутыми. Свидетели этого происшествия — И. Давыдов, В. Жандармов, В. Куварденкова, Н. Шеняев, А. Субботина, Я. Линева, И. Клещева, Е. Попова, Е. Курылева на суде подтвердили, что в этом разбойном скопище принимали участие 40 человек, указав всех их фамилии [3, л. 2об].

Но на этом толпа громил не успокоилась. После погрома дома Воскобойникова возбужденная толпа крестьян направилась к усадьбе Шмидта, которая в этот же день была разграблена и сожжена, причем были расхищены большие запасы зернового хлеба. Крестьянин А. Зайцев, управляющий имением Шмидта, заявил на суде, что убытки его доверителя составляют около 150 000 руб. Со слов свидетелей В. Жандармова, Ф. Земскова и Т. Ожогина были установлены личности всех погромщиков и грабителей усадьбы Шмидта. Свидетели также сообщили и подробности совершенного преступления. В ходе погрома крестьянин В. Соколов поджег помещение людской. Затем он же вместе с Д. Борисовым, К. Сусликовым и Н. Концуровым поджег конюшню, где находились породистые заводские лошади, а крестьяне Д. Воробьев, братья Лямины и Панькины подожгли дом Шмидта, предварительно облив пол в комнатах керосином. Закончились крестьянские беспорядки 29 октября 1905 г. разгромом усадьбы мещанина С. Белоногова. В эту усадьбу громилы явились уже под вечер, Белоногов со своей женой успел укрыться у соседней. Буйствовавшая толпа расхитила мебель и другое имущество. На гумне Белоногова были сожжены корма, а также разграблены амбары, в которых хранилось значительное количество разного зернового хлеба, который погромщики развозили по своим домам в течение двух дней [3, л. 13].

С утра 30 октября 1905 г. крестьянские беспорядки вспыхнули с новой силой. В первую очередь налет был совершен на усадьбу дворянина Минха, где сначала был разгромлен и сожжен дом хозяина — известного российского историка, краеведа, этнографа, археолога, члена Императорского Русского географического общества Александра Николаевича Минха. Одной из особенностей этого погрома явилось то, что циничные и бессовестные крестьяне-громилы напали на дом участника Крымской войны, выдающегося ученого, который будучи мировым посредником при разделе земли всегда отстаивал интересы крестьян, из-за чего нередко вступал в острые конфликты даже со своими родственниками [4]. Вторая особенность заключается в том, что в одной половине этого дома помещалась казенное учреждение — канцелярия и квартира земского начальника 8 участка Аткарского уезда Александра Иванова, а в другой половине проживал арендатор Минха — крестьянин(!) Андрей Горелов.

Печальная хроника этого погрома такова. 30 октября в девять часов утра на дом Минха напала большая группа крестьян, среди которых были даже женщины и дети. Письмоводитель земского начальника И.Я. Лапшин сообщил суду важные подробности произошедшего. Очень скоро толпа погромщиков выросла до 100 человек, и в этот момент к ней присоединились Артемьев и Кассандров. Выломав дверь, громилы ворвались в дом,

где все стали ломать и разбивать кольями и камнями. Взрослые ломали и выбрасывали имущество, а женщины и дети подбирали все что им приглянулось и уносили домой. Свидетель обратил внимание суда на то, что все делопроизводство и книги земского начальника погибли, сохранился только архив до 1904 г., т.к. находился в волостном правлении, еще часть бумаг была найдена на гумне [3, л. 88.]. В итоге буйствовавшая толпа уничтожила и расхитила все, находившееся в доме имущество, а также дела и бумаги канцелярии Земского начальника. Финальным аккордом погрома, как это уже стало вандальной традицией, был поджог дом Минха. С этой целью погромщики, как выяснилось, всегда носили с собой бутылки с керосином. В результате погрома этой усадьбы действиями толпы был причинен значительный ущерб: Минху — около 5000 руб., Иванову — около 8000 руб. и Горелову — около 1400 руб. [3, л. 88об] Свидетельскими показаниями А. Горелова, Ф. Садовникова, И. Лапшина и Д. Торопова были установлены личности всех участников скопища, учинивших погром. Таковых в итоге оказалось 37 человек. Пострадавший от преступных действий представителей своего же сословия крестьянин Горелов в точности рассказал кто и каким образом совершил поджог дома Минха. Им оказался местный крестьянин Дмитрий Пруцков, который сложил в столовой Земского начальника кучу бумаг и зажег их. Этот же «революционный» пироман два раза поджигал сарай на усадьбе Минха, но это строение, как ни странно, уцелело [3, л. 89.]. Свидетель Лапшин также уточнил, что крестьяне объясняли свои особо неприязненные действия по отношению именно к этой усадьбе тем, что «не столько хотели отомстить земскому начальнику, сколько Минху за то, что их отцов и дедов пороли» [Там же]. Кроме того, в пьяной толпе звучали призывы разгромить еще волостное правление, винную лавку и даже церковь [3, л. 89об], но до этого дело не дошло.

Вскоре после разгрома дома ветерана войны и ученого крестьянами была разгромлена и сожжена усадьба дворянки Н. Пашканг, убытки которой от этого погрома составили около 8000 руб. По показанию свидетелей Н. Люкшина и К. Жигилева, в скопище, которое разгромило усадьбу Пашканг, участвовали 19 человек. (3, л. 84об.) Однако, как выяснилось, это были самые активные участники бесчинств, в то время как, по свидетельству приказчика имения Пашканг, к дому подошла толпа человек в 150, которые начали все громить, переломали всю мебель и расхитили все имущество. Свидетель уточнял, что у грабителей было несколько ломов, которыми разбивали шкафы и другие предметы. Разломали двери, окна, печи. Сожгли дом. Было в их числе много женщин. Впереди толпы шли мальчишки, которые били окна камнями и помогали тащить имущество. Главным руководителем разгрома и поджога, по мнению свидетеля, был Дмитрий Котенков, однако в 10 сажнях от дома стояли студенты Кассандров и Артемьев и подстрекали толпу, приказывая все жечь. Подожжены были дом и 2 амбара, но от них пламя перекинулось и на другие постройки. Свидетели также назвали и имена поджигателей дома и хозяйственных построек в усадьбе Пашканг. Ими оказались Д. Котенков, П. Сусликов, Д. Воробьев, а также братья Денис и Степан Борисовы. В ходе судебного следствия удалось также установить и личность еще одного подстрекателя — Назара Панькина, который подзадоривал толпу совершить поджог построек Пашканг и для этой цели приказывал бросать в амбары зажженную паклю. Свидетель сообщил еще одну важную деталь погрома. По его словам, грабители находились в состоянии сильного алкогольного опьянения, и кричали, что они «отказались от жен и детей, пошли все грабить и жечь, т.к им теперь все равно, что будет» [3, л. 84об]. Такое странное поведение, очевидно, чем-то объяснялось. После погрома сами участники говорили, что им словно что-то подлили в вино, в результате чего они «стали ошеломленными и шли на все» [3, л. 92об]

Покончив с усадьбой Пашканг, толпа переметнулась в имение наследников дворян Крымских, которое также беспощадно разгромили и сожгли дотла [3, л. 85]. В результате

погрома владельцам усадьбы Крымских, по заявлению одной из наследниц — Екатерины Грюнер, был нанесен материальный ущерб в сумме 15000 руб. По словам свидетеля обвинения — приказчика Крымских К.М. Жигилева, в разгроме усадьбы принимали участие более 20 человек, среди которых особенно усердствовали уже знакомые «революционные» персонажи — братья Панькины, Д. Воробьев, братья Лямины, П. Сусликов, В. Соколов, братья Борисовы и Д. Котенков.

Свидетель К. Жигилев рассказал на суде, что когда громилы подошли к усадьбе Крымских, то Кассандров и Артемьев жестами подали сигнал толпе, и та ринулась на разгром усадьбы. По свидетельству Жигилева, он на коленях умолял громил пощадить усадьбу Крымских, говоря, что владелицы люди бедные, но Степан Карасев, в ответ на эти слова схватил пожилого человека за грудь и начал его трясти, а Илья Жигилев, угрожая свидетелю ножом сказал: «Вот тебе, старый черт!». На просьбы К. Жигилева оставить в целости хотя бы кухню, где он жил со своей престарелой женой, Карасев откровенно и нагло ответил старику: «Мы подписались все жечь!» [3, л. 86]. Последняя фраза погромщика явно указывала на заказной, подстрекательский характер их действий. Именно этот вопрос, в числе многих других, и предстояло выяснить в ходе судебного разбирательства. Приказчик Жигилев на суде высказал также недоумение по поводу разгрома усадьбы Крымских, сославшись на то, что у них всего 20 десятин и всю землю они сдавали в аренду крестьянам по весьма приемлемой цене — 6 рублей за десятину. Никаких имущественных конфликтов с крестьянами у владельцев усадьбы не было, и приказчик не понимал, за что разгромили Крымских. Правда, здесь же он высказал, как оказалось, весьма верное предположение. По его словам, цель у них была одна — разгромить усадьбы помещиков, а затем завладеть их землей.

Идеология, цели и настрой крестьян-погромщиков отчетливо видны на примере разгрома имения помещика Роговского в Валковском уезде Харьковской губернии в 1902 г. Тогда крестьяне так объясняли свои действия, обращаясь к жертве своих притязаний: «Мы сами нашли свое право; ты сегодня хозяин своего дома, а завтра мы им будем распоряжаться, через неделю разделимся твоей землей, которая будет наша, а не твоя, тебя прогоним, оставим тебе только сад с землей» [1, с. 54]. Логика и мотивация крестьянского погрома примитивна и прямолинейна. Беспощадно уничтожая огнем дом и хозяйственные постройки владельца усадьбы, погромщики наивно полагали, что хозяин после этого никогда не сможет вернуться в свое «дворянское гнездо», а они — крестьяне, таким образом, «разделимся твоей землей». Действительно, бывали случаи, когда погорелец-помещик не возвращался в свою усадьбу на пепелище, как это произошло, например, в случае с А.Н. Минхом [4], однако право собственности на землю за владельцами по закону, конечно, сохранялось, а крестьяне-погромщики привлекались за свои преступные действия к уголовной ответственности и вынуждены были возмещать материальный ущерб пострадавшим.

Последней в этот роковой день — 30 октября 1905 г. была разгромлена и частично сожжена усадьба Наталии Минх. Как следует из материалов следствия, в огне были уничтожены: дом, кузница, баня, ледник и сарай. В результате владелице был нанесен материальный ущерб на сумму 9000 руб. По словам арендатора мельницы в усадьбе Минх крестьянина Николая Макаркина и мельника Ильи Москова, наибольшим буйством в толпе громил выделялись уже известные по предыдущим погромам И. Жигилев, Д. Воробьев и Д. Борисов [3, л. 87]. Свидетель Макаркин сообщил в суде очень важные подробности, проясняющие механизм организации беспорядков. По его словам, когда он попросил погромщиков пощадить арендуемую им у Наталии Минх мельницу, то громилы велели ему обратиться с этой просьбой к Кассандрову, как к главному руководителю этой акции, пояснив: «воля его, если пожелает, не будем жечь» [Там же].

В ходе следствия и судебного разбирательства выяснились весьма важные для понимания механизма погромов обстоятельства. Как стало известно, в большинстве эпизодов во время погрома усадеб в толпе громил неизменно присутствовали сын местного священника, студент Юрьевского университета Петр Кассандров, а также сын одного из местных торговцев, ученик московского строительного училища Владимир Артемьев [3, л. 82]. Судя по всему, Кассандров и Артемьев, не принимая личного участия ни в каких насильственных противоправных действиях, в то же время, явно руководили действиями буйствовавшей толпы. Этот вывод был сделан на основании многочисленных свидетельских показаний. Так, например, по словам свидетеля Люкшина при разгроме усадьбы Пашканг, Кассандров и Артемьев отдавали приказания жечь хозяйственные постройки и, в этих целях, указывали погромщикам бросать в амбары зажженную паклю. Свидетель также сообщил о том, что при разгроме дома А.Н. Минха, несколько громил, подойдя к Кассандрову и Артемьеву, о чем-то с ними посоветовались, а вскоре после этого в доме начался пожар [3, л. 89].

Свидетель Павел Семеновский, показал, что после происшедших в селе Колене 29–30 октября погромов, крестьяне, обсуждая с ним вопрос об участии в этих событиях Кассандрова, резюмировали: «если бы не этот черт, ничего бы не было» [3, л. 90]. Однако на суде и Артемьев, и Кассандров утверждали, что они не только не подстрекали крестьян к погромам, но, напротив, старались удержать их от насильственных действий, в особенности по отношению к лавкам торгующих в селе Колене купцов. Между тем другие обвиняемые о действиях Артемьева и Кассандрова показывали иное. Так, по словам Алексея Володина утром 30 октября 1905 г. перед началом погромов Кассандров убеждал его: «Что ты не принимаешь участия в грабежах, разве ты не знаешь, что мы вчера постановили?» [Там же]. Еще один подсудимый Григорий Морозов показал, что 29 октября на сходке крестьян в доме Осипа Крякова, на которой присутствовали также Артемьев и Кассандров, последний обратился к собравшимся с такой речью: «Зачем теряете дорогое время? Идите-ка господ разграбляйте имения, берите хлеб, а только не трогайте купцов и торговых людей, так как они тоже наживают горбом деньги. Если сейчас не будете грабить, то не получите земли. Я иду вперед, идите за мной!» [Там же]. Выступивший затем Артемьев также призывал крестьян к погромам: Павел Сусликов объяснил, что Кассандров и Артемьев «смутили» их, крестьян, идти громить помещиков, но при этом подстрекатели убеждали их не трогать купцов, так как последние, будто бы, дали крестьянам села Колено много денег [Там же]. Наконец, по словам еще одного обвиняемого Рыхловского, Кассандров на сходке у Крякова говорил, что крестьяне могут добиться земли только путем грабежа помещиков, однако купцов не следует грабить, т.к. последние своим трудом наживали капитал [Там же].

Свидетель Иван Махров также сообщил, что накануне погромов на сходке 20 октября 1905 г. пьяные крестьяне задали Петру Кассандрову: «а что будет тем, кто жег помещиков?». На что тот ответил, ссылаясь в качестве примера на наказания харьковским и полтавским крестьянам, которым они подверглись по приговору суда за разгромы экономий в 1902 г. [3, л. 40] Практика показывала, что в большинстве случаев обвиняемые за участие в крестьянских беспорядках в Харьковской и Полтавской губерниях, как правило, приговаривались судом к отправке в арестантские роты сроком на 1 год [1, л. 56].

В своих свидетельских показаниях купец Василий Балаев сообщил, что накануне погромов он и другие местные купцы обсуждали, как сохранить лавки, дома свои от разгрома бунтовщиков. На тот момент уже всем было известно о предстоящем бунте в с. Колено. Некоторые предлагали послать за казаками, но понимали, что время уже упущено. В конце концов решили убеждать бунтующих успокоиться и не бунтовать. Особенно просили Петра Кассандрова и Вл. Артемьева уговорить бунтовщиков не жечь монополию, и не громить лавки и дома. При этом они говорили, что желательно бы, чтобы вина было выпить бунтовщиками как можно меньше, для чего надо бы как будто нечаянно бить посуду с ви-

ном. [3, л. 40]. Примерно через час, как показал в ходе судебного следствия купец Павел Артемьев, Петр Кассандров и Влад Артемьев пришли к нему и сообщили, что они уговорили крестьян и лавки трогать не будут, также, как и все село Колено. Очевидно, просьба купцов возымела действие на предводителей крестьян. Свидетель Федор Махров утверждал, что видел, как Петр Кассандров останавливал пьяных бунтовщиков, всячески убеждая их не жечь дом купца Балаева и не громить монополию, чего ему и удалось достичь. Купец Артемьев также заявил на суде: «Я вполне уверен, что лавки, монополия и Колено сгорели бы если бы не уговаривали толпу Петр Кассандров, псаломщик Жуков и мой сын Вл. Артемьев» [3, л. 40], ссылаясь на то, что к нему в лавку за эти дни несколько раз вламывались пьяные погромщики требуя денег на полведра водки, а также ткани примерно на 500 рублей каждому бунтовщику [Там же].

Прекратить массовые беспорядки в с. Колено и погромы усадеб удалось только вечером 30 октября 1905 г. с прибытием отряда из полусотни казаков под командованием А.В. Борщевского [3, л. 76.]. При этом следует отметить, что местные крестьяне, не поддержавшие противоправные действия смутьянов, узнав о прибытии казаков, попытались самолично справиться с бунтовщиками. Драка завязалась около чайной Горелова. В результате потасовки очень серьезно пострадало несколько погромщиков. Некоторых из них — Дениса Борисова, Федора Киреева и др. — даже отправили в больницу. В этот день было арестовано 17 человек, участвовавших в погромах. На другой день в волость доставили еще 23 правонарушителя, причем, некоторые пришли сами, боясь самосуда со стороны односельчан. Все 40 задержанных признались, что участвовали в буйствовавшей толпе, но назвать свои конкретные действия затруднились, ссылаясь на то, что были пьяны. Тем временем, одни из главных зачинщиков беспорядков «пламенные революционеры» П.Г. Кассандров и В.П. Артемьев трусливо спрятались на колокольне, вокруг которой собрались огромная толпа — примерно 500 человек. Возбужденные сельчане, шокированные драматическими событиями последних дней, обвиняли их в «агитации и предводительствовании» в ходе погромов. Борщевский приказал арестовать Кассандрова и Артемьева, а также подозреваемых в подстрекательстве к беспорядкам учителей земской школы И.П. Наказаченко и А. Кисиянского [3, л. 76.].

Предварительное следствие по делу о крестьянских погромах в с. Колено Саратовской губернии в октябре 1905 г. длилось несколько месяцев и 22 июля 1906 г. Товарищ Прокурор Саратовского окружного суда Федусенко представил суду обвинительный акт. В списке подлежащих вызову в судебное заседание значились фамилии 106 обвиняемых и 22 свидетелей. При производстве предварительного следствия было установлено, что в расхищении зерна из экономии Шмидт и из амбаров Белоногова принимали участие 53 крестьянина. 37 человек признали себя виновными в том, что во время погрома развозили хлеб из экономии Шмидта. 10 человек признали себя виновными в том, что во время погрома развозили хлеб из амбаров Белоногова. В то же время несколько обвиняемых — К. Сусликов, П. Сусликов, Т. Лямин, П. Лямин, Н. Давыдов, А. Панькин, Н. Панькин виновными себя в приписываемых им преступным деяниям не признали [Л.3]. Однако они, помимо этого, обвинялись еще и в том, во время разгрома усадьбы Шмидта подожгли постройки, т.е. в деянии, предусмотренном 1609 ст. Улож. о Наказ. Как следовало из материалов обвинительного акта большинство участников погрома обвинялись в том, что 29 и 30 октября 1905 г. в селе Колене Аткарского уезда Саратовской губернии «приняли участие в публичном скопище, учинившего соединенными силами расхищение и уничтожение имущества» землевладельцев дворян Крымских, Н. Воскобойникова, А.Н. Минха, Н. Минх, Н. Пашканг, И. Шмидта и С. Белоногова «вследствие побуждения, проистекших из экономических отношений», т.е. в деянии, предусмотренном 1 ч. 269 ст. Улож. о Наказ. [3, л. 6].

Наряду с этим прокурором было предъявлено обвинение организаторам и подстрекателям погромов. Так, Назар Панькин обвинялся в том, что руководил действиями скопища,

разгромившего усадьбу Пашканг, т.е. в деянии, предусмотренном 2 ч. 269 ст. Улож. о Наказ. Купеческий сын В.П. Артемьев и сын священника П.Г. Кассандров, обвинялись в том, что «руководили действиями публичного скопища крестьян, учинившего соединенными силами расхищение и уничтожение имущества местных землевладельцев», т.е. в деянии, также предусмотренном 2 ч. 269 ст. Улож. о Наказ. [3, л. 8].

В то же время, несмотря на привлечение к суду участников погромов, стихия массовых беспорядков в Саратовском Поволжье не пошла на убыль. Как раз наоборот: в выступлениях подобного рода явно прослеживается рецидив. Так, например, имение баронессы Бенкендорфф-Гинденбург, как и некоторые другие усадьбы, еще раз подверглось нападению крестьян в 1906 г. Саратовскому окружному суду в 1906–1907 гг. пришлось рассмотреть еще сотни дел по данному виду преступлений.

ВЫВОДЫ. Проведенный анализ особенностей и характера крестьянских погромов в Саратовской губернии в 1905 г. по материалам судебных процессов позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, характерной особенностью крестьянских выступлений в Саратовской губернии в этот период являлся их широкий размах (31,3% от общего числа аграрных погромов в Европейской части России), большое количество участников беспорядков в каждом отдельном эпизоде (от нескольких десятков до сотен крестьян), а также разнообразный по возрасту и гендерному признаку состав участников погромов.

Во-вторых, крестьянские погромы имели ярко выраженный аграрный характер, так как основной и главной целью бунтовщиков был захват частновладельческих земель.

В-третьих, в ходе следствия и судебного разбирательства был выявлен подстрекательский характер организации погромов, наличие в каждом отдельном случае вожakov и провокаторов. Решения о разгроме частновладельческих усадеб принимались на крестьянских сходках, на которых и определялись вожаки предстоящей преступной акции. Подстрекателями и организаторами погромов, как правило, были представители радикальных партий — эсеров и социал-демократов.

В-четвертых, погромы, сопровождавшиеся популярными лозунгами о справедливом распределении земли и равенстве, носили, на самом деле, псевдореволюционный, ярко выраженный общеуголовный характер.

В-пятых, характерным признаком рассмотренных крестьянских погромов является высокая степень агрессии, беспощадность и бессмысленная жестокость. Во время погромов крестьяне, как правило, находились в состоянии сильного алкогольного опьянения, и с обреченной отчаянностью «пошли все грабить и жечь, т.к. им теперь все равно, что будет» [3, л. 84 об].

В-шестых, в ряде случаев, при разгроме частновладельческих усадеб, проявлялись признаки мести, объясняемые погромщиками застарелыми обидами на предков владельцев имения «за то, что их отцов и дедов пороли» [3, л. 88.].

В-седьмых, крестьянские беспорядки 1905 г., несмотря на противодействие со стороны правоохранительных органов и привлечение к суду участников погромов, имели рецидивный характер и продолжались в течение последующих лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломеев Ю.В. «Серебряный век» русской адвокатуры: монография: в 4 ч. / Ю.В. Варфоломеев; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. Ч. 2: «Молодая адвокатура» на политических процессах в России (конец XIX — начало XX века). 2015. 413 с.
2. Государственная дума. Стенографические отчеты / Гос. дума. 1906 г. Сессия 1-я. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1906. 316 с.

3. Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 409. Оп. 2. Д. 203.
4. История Татищевского района Саратовской области. Режим доступа: URL: <http://tatiskray.ru/minx/> (дата обращения: 11.04.2022)
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма— ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Госполитиздат, 1958-1965. Т. 12, 1960. 515 с.
6. Мишин Г.А. Из прошлого Саратовской губернии / Геннадий Мишин. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2002. 190 с.
7. Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни царствования императора России Николая II. М.: Республика, 1992. 288 с.
8. Славин И.Я. «Минувшее — пережитое. Воспоминания» Саратов: КнигоГрад, 2013. 404 с.
9. Шульгин В.В. Что нам в них не нравится...: Об антисемитизме в России. 2-е изд., репр. Москва: Из глубин, 1992. 330 с.
10. Mixer T.R. Peasant collective Action in Saratov Province 1902-1906 /Politics and Society in Provincial Russia: Saratov 1590-1917 / edited by Rex A. Wade and Scott J. Seregny, Columbus. 1989. 468 p.

REFERENCES

1. Varfolomeev Yu.V. «Serebryany`j vek` russkoj advokatury` [The "Silver Age" of Russian advocacy]: monografiya: v 4 ch. / Yu. V. Varfolomeev; Saratovskij gos. un-t im. N.G. Cherny`shevskogo. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2015. Ch. 2: «Molodaya advokatura» na politicheskix processax v Rossii (konecz XIX — nachalo XX veka). 2015. 413 s. (In Russian).
2. Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety` [The State Duma. Verbatim reports] / Gos. дума. 1906 g. Sessiya 1-ya. Sankt-Peterburg: Gos. tip., 1906. 316 s. (In Russian)
3. Gosudarstvenny`j arxiv Saratovskoj oblasti (dalee — GASO) [The State Archive of the Saratov region (hereinafter — GASO)]. F. 409. Op. 2. D. 203. (In Russian).
4. Istoriya Tatishhevskogo rajona Saratovskoj oblasti [Istory of the Tatishchevsky district of the Saratov region]. URL: <http://tatiskray.ru/minx/> (data obrashheniya: 11.04.2022) (In Russian).
5. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works] / In-t marksizma— leninizma pri CzK KPSS. 5-e izd. Moskva: Gospolitizdat, 1958-1965. T. 12, 1960. 515 s. (In Russian).
6. Mishin G.A. Iz proshlogo Saratovskoj gubernii [From the past of Saratov province] / Gennadij Mishin. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo, 2002. 190 s. (In Russian).
7. Obninskij V.P. Poslednij samoderzhec. Oчерk zhizni czarstvovaniya imperatora Rossii Nikolaya II. [The last autocrat. An essay on the life of the reign of Emperor Nicholas II of Russia.] М.: Respublika, 1992. 288 s. (In Russian).
8. Slavin I. Ya. «Minuvshee — perezhitoe. Vospominaniya» [«The past is experienced. Memories»] Saratov: KnigoGrad, 2013. 404 s. (In Russian).
9. Shul`gin V.V. Chto nam v nix ne nravitsya...: Ob antisemitizme v Rossii. [What we don't like about them...: About anti-Semitism in Russia]. 2-e izd., repr. Moskva: Iz glubin, 1992. 330 s. (In Russian).
10. Mixer T.R. Peasant collective Action in Saratov Province 1902-1906 /Politics and Society in Provincial Russia: Saratov 1590-1917 / edited by Rex A. Wade and Scott J. Seregny, Columbus. 1989. 468 p. (In English).